

Минну стоял, чуть опустив голову. Сквозь полуопущенные ресницы он украдкой поглядывал на Цзянь Сюэхэ. В тишине главного зала его сердце билось ровно и медленно.

Он почувствовал на себе чужой взгляд — мимолетный, скользнувший по нему едва ощутимо, словно крыло стрекозы по глади пруда, и тут же исчезнувший.

— Позавчера мне привиделся дурной сон. Кошмар никак не отпускал, — нарушил молчание Цзянь Сюэхэ.

Минну прошиб холодный пот. Пустяк, казалось бы, сущая мелочь, но дознайся госпожа Цзянь до истины — и малейшее ее недовольство обернулось бы для него сокрушительным ударом.

— Кошмар?.. — мягко переспросила госпожа Цзянь. — Почему же ты не обмолвился об этом раньше, Хэ-эр?

Минну застыл в углу. Тяжелая тень от бронзовой курильницы укрывала его, словно невидимая стена, отделяя от матери и сына.

— Только сейчас и вспомнил, матушка.

Больше госпожа Цзянь на него не смотрела. Поняв, что его присутствие здесь больше не требуется, Минну выждал немного и решил откланяться под благовидным предлогом.

— С вашего позволения, госпожа, я пойду, — тихо проговорил Минну, склонив голову.

Госпожа Цзянь будто только сейчас вспомнила о его существовании.

— Ступай, Минну. Отдыхай как следует. Будет время — старайся бывать в Академии Пути Меча вместе с Хэ-эром. Тебе не помешает поучиться уму-разуму.

Слова эти лились мягко, напоминая заботливое наставление, однако Минну слишком хорошо помнил прошлую жизнь. На словах госпожа Цзянь ни в чем его не стесняла, но на деле — и шагу не позволяла сделать за пределы его собственного двора.

В поместье Цзянь преподавали лучшие мастера. Обучение охватывало все: от тайн Девяти провинций до тонкостей Возвращения шести сект к двору, от фехтования до игры на лютне.

Из законных наследников, взращенных в такой роскоши знаний, вырастали те, кто, подобно Цзянь Сюэхэ, впоследствии легко затмевал остальных в бессмертных орденах.

Минну сжал губы в тонкую ниточку. На его лицо упала тень. Послушно прошептав «да», он

понурил голову и поспешил скрыться за дверями зала.

Стоило Минну уйти, как Цзянь Сюэхэ тоже поднялся. Обронив сухое «позвольте идти», он направился к выходу, но пошел в прямо противоположную сторону.

Когда зал опустел, Чуньлань, до этого тихо стоявшая за узорчатой ширмой и ловившая каждое слово, подошла к хозяйке, чтобы налить чаю.

Глядя вслед ушедшему Минну, служанка негромко спросила:

— Госпожа... вы подозреваете второго молодого барина?

Всем в поместье было известно, что Цзянь Минну — сирота при живых опекунах, чужак, не имеющий к клану Цзянь никакого отношения. Годами терпя пренебрежение и издевки, он вырос тихим, безответным малым, который больше всего на свете боялся навлечь на себя гнев хозяев. Он вел себя тише воды, ниже травы, и только поэтому его жизнь в поместье текла сносно.

Он никогда не покидал стен усадьбы. Откуда мальчишке тринадцати-четырнадцати лет знать о кровоизливающей траве? Да и способ ее нейтрализации до сих пор оставался тайной за семью печатями. К тому же Чуньлань сама, своими глазами видела, как Минну осушил пиалу с зельем до последней капли.

Как ни крути, мальчишка никак не мог стоять за этим.

Госпожа Цзянь прищурилась, в ее красивых глазах промелькнула холодная сталь.

— Мне и самой не хочется верить, что это он, — обронила она. — Но если этот щенок затаил злобу на наш дом, оставлять его в живых нельзя. Установи за ним слежку. И глаз не спускай.

— И за Хэ-эром приглядывай повнимательнее.

Минну и не подозревал, что оказался под колпаком. Весь его мир ограничивался няней да слугой Ванчунем. Прочие обитатели усадьбы, вроде многочисленных стражников в одинаковых безликих одеждах, сливались для него в единую серую массу. Он редко видел их лица и уж точно не смог бы отличить одного от другого.

После того разговора госпожа Цзянь о нем не вспоминала. Минну немного отлегло от сердца. Боясь ненароком столкнуться с Цзянь Сюэхэ, он безвылазно просидел в своей комнате несколько дней.

Ванчунь изредка приносил ему из города книжки с историями и сладости, а няня и вовсе не отходила от него ни на шаг.

Когда-то давно она вынянчила их обоих — и его, и Цзянь Сюэхэ, — но затем ее приставили именно к Минну, и с годами она стала ему самым близким человеком.

— А-Ну, деточка, ты ведь ходил к госпоже... Скажи, видел Хэ-эра? Как он себя чувствует?

Няне едва перевалило за тридцать. Лишь в уголках ее добрых, ясных глаз залегли тонкие морщинки, а округлившееся, приветливое лицо так и светилось материнским теплом. Когда она улыбалась, то казалась уютной, словно домашний сдобный хлеб.

Минну видел, что этот вопрос мучил ее уже не первый день. Цзянь Сюэхэ рос нелюдимым и замкнутым; даже с собственными родителями он держался подчеркнуто вежливо, но холодно, выстроив вокруг себя невидимую ледяную стену.

И все же няня когда-то ухаживала за ним и до сих пор любила его всем сердцем, не разделяя мальчиков на господского сына и приемыша.

Самому Минну забота о Цзянь Сюэхэ казалась глупостью: законный наследник, обласканный судьбой и золотом, он ни в чем не знал нужды, и клан Цзянь разбивался в лепешку, лишь бы дать ему все самое лучшее.

подавив эти мысли, он поспешил успокоить женщину:

— Видел, нянюшка. Молодой барин совершенно здоров, поправился полностью. Не тревожься о нем.

Няня облегченно вздохнула:

— И то слава богам. Он ведь с пеленок рос хилым, болезненным. Помню, крохой был — так даже за грудь с тобой бороться не мог, вечно ты его отталкивал...

Минну промолчал, лишь плотнее сжал губы и уткнулся в раскрытую книгу.

По его просьбе Ванчунь раздобыл несколько трудов по истории и древним преданиям. В прошлой жизни Минну не получил почти никакого образования — лишь позже, тенью следуя за Сюэхэ, он кое-как нахватался верхушек.

О династии Юн он не знал ровным счетом ничего. Старинные свитки и хроники пестрели незнакомыми именами и терминами, оставаясь для него темным лесом.

Если верить памяти, совсем скоро Цзянь Сюэхэ должны были отправить на обучение к господину Линьцзяну, в его знаменитую Академию Пути Меча. После этого наследник будет возвращаться домой лишь на редкие побывки.

И пусть они окажутся в разлуке, Минну все равно будет знать о каждом ранении Сюэхэ — ведь всякая царапина, полученная тем на тренировках или в бою, неизбежно проявится на его собственном теле.

Оставаться в поместье Цзянь было смерти подобно. Но попасть в Академию Пути Меча он мог лишь в одном случае — если сам Сюэхэ пожелает взять его с собой в качестве слуги или сопровождающего.

Гордость бунтовала при одной этой мысли. Просить о милости злейшего врага, который в прошлой жизни растоптал и уничтожил его? Сердце Минну обливалось кровью от одной этой мысли. Да и с чего бы ледяному, высокомерному Сюэхэ соглашаться на его мольбы? Скорее уж тот просто отмахнется, как от назойливой мухи.

— Ну как книжки, молодой барин? — в комнату заглянул Ванчунь, только что вернувшийся с уличных подработок. — Я в них ни черта не смыслю, тоска смертная. То ли дело расписные книжонки торговца Мэньтина с Восточной улицы!

В свободное время Ванчунь брался за любую тяжелую работу в городе, чтобы раздобыть лишнюю горсть медных монет.

Заметив, что Минну сидит неподвижно, уставившись в раскрытые страницы, слуга решил, что тот увлекся не на шутку.

Слова Ванчуня угодили не в бровь, а в глаз. На самом деле Минну понимал в этих заумных трактатах не больше слуги, и от этого невольного разоблачения его щеки мгновенно вспыхнули румянцем. Смутившись, он просто отвернулся, сделав вид, что не расслышал.

Ванчунь, не заметив его смущения, весело хлопнул себя по лбу и полез за пазуху:

— Чуть не забыл! Я же вам гостинец принес, еще теплый. Надеюсь, не раздавил по дороге.

Он бережно выудил бумажный сверток с ароматной, еще дышащей жаром сдобой.

— А еще в городе болтают, — понизив голос, продолжил Ванчунь, — будто молодой барин Сюэхэ через пару дней отправляется в похоронный дом. Говорят, там в последнее время творится какая-то чертовщина, покойники так и плодятся. Вот его и снаряжают туда вместе с заклинателями из великих орденов. Поговаривают, там уже бездна народу сгинула.

Минну похолодел. Прошлая жизнь неумолимо заявляла о себе: Цзянь Сюэхэ действительно

отправлялся в тот похоронный дом. В свои тринадцать лет он, хоть и не числился официально в бессмертном ордене, уже преуспел в искусстве меча. Каждый его шаг, каждая битва были заранее просчитаны и выверены старейшинами клана Цзянь, вложившими в его обучение колоссальные силы и средства.

В прошлый раз Минну только-только оправился от изнурительной лихорадки. Слабый и беспомощный, он мог лишь краем уха слушать чужие пересуды.

Для Сюэхэ охота на нечисть бок о бок с именитыми заклинателями была привычным делом. Но чертовщина в похоронном доме оказалась куда серьезнее обычного неуспокоенного духа. В прошлой жизни за этим происшествием последовала целая череда кровавых смертей, всколыхнувшая в итоге все четыре великих ордена.

Именно там Сюэхэ впервые потерпел жестокое поражение. Он оказался отрезан от мира в подземных пещерах на трое суток и вернулся домой едва живым.

Любой другой заклинатель давно бы сгинул в тех темных провалах, испустив дух, но Сюэхэ... этот баловень судьбы с малых лет обладал поистине звериной живучестью.

Минну отчетливо помнил то место. Об этом не болтали вслух, но он сам, пребывая в полубреду от боли, случайно услышал разговор лекарей: Сюэхэ завалило в древней выработке на горе Лицюань, прямо под похоронным домом.

— Ванчунь... — Минну резко поднял глаза. — А можно и мне поехать в этот похоронный дом через два дня?

Ванчунь опешил:

— Вам? Туда? Ну, ежели только у Чуньянь дозволения испросить. Если она не станет возражать, то, может, и отпустят. Давайте я завтра разузнаю, что к чему.

На успех Минну особо не рассчитывал. Чуньянь послушно исполняла волю госпожи Цзянь, а та вряд ли отпустила бы его без веской причины.

«Если откажут, придется искать обходные пути, — упрямо подумал он. — Найду способ»

— В похоронный дом? — переспросила госпожа Цзянь.

Тонкие пальцы госпожи, покрытые ярко-алым лаком, коснулись виска. Она лениво разглядывала свое отражение в начищенной медной раме зеркала, пока стоящая позади

Чуньлань бережно укладывала ее волосы в высокую прическу.

— Да, матушка, — кивнула служанка. — Второй молодой барин жалуется, что засиделся в четырех стенах. Говорят, хочет хоть краем глаза повидать мир да посмотреть, как работают мастера из великих орденов.

С тех пор как Минну осушил пиалу со снадобьем из кровоизущей травы, не произошло ничего подозрительного. Ни единого признака заговора или измены.

— Что прикажете делать, госпожа?

— Хм, странно. Раньше за ним такого любопытства не водилось, — задумчиво протянула госпожа Цзянь. — Он точно ни с кем посторонним не виделся в эти дни?

Чуньлань покачала головой. За каждым шагом Минну следили денно и ночью. Его скудные будни были у нее как на ладони: все те же унылые прогулки по крошечному саду да чтение у себя в комнате. Ничего нового.

Ответ пришел поразительно быстро. Минну еще не успел толком продумать план побега, как накануне вечером Ванчунь принес ошеломительное известие: Чуньлань дала добро. Минну разрешили поехать.

— Поверить не могу, что Чуньлань уступила, — качал головой Ванчунь, собирая нехитрые пожитки господина. — Но вы уверены, молодой барин? Дело-то нешуточное, смертоносное. Вы ведь не молодой барин Сюэхэ, мечом махать не умеете. Стоит ли соваться в такое пекло?

Глядя на его встревоженное лицо, Минну тепло улыбнулся.

— Не бойся, Ванчунь. Я же не безумец, чтобы лезть под когти тварям. Постою в сторонке, погляжу издали, только и всего.

«Этот поход — мой единственный шанс, — твердил он себе. — Мой первый шаг прочь из удушливой золотой клетки»

— Ладно, дело хозяйское, — вздохнул Ванчунь. — Но берегите себя. Если что пойдет не так, держитесь поближе к приезжим заклинателям. Говорят, благородные господа из великих сект народ отзывчивый. Это наш молодой барин Сюэхэ слова сквозь зубы цедит, а те ребята наверняка в беде не оставят.

На следующий день, задолго до рассвета, все было готово к отъезду.

Минну поднялся на ноги, когда за окном еще царил глухая ночная темень. Ванчунь проводил

его до главных ворот усадьбы, где у обочины уже тихо похрапывали запряженные кони. Две тяжелые кареты ждали отправления к похоронному дому.

В пределах города Девяти провинций летать на мечях строжайше запрещалось, так что даже великим заклинателям приходилось путешествовать по старинке.

Минну сразу заметил его.

Цзянь Сюэхэ питал слабость к вызывающе ярким одеждам. Тонкие, точеные черты лица, разлет бровей, напоминающий крылья феникса, и алые, словно тронутые киноварью губы гармонировали с его царственной, холодной осанкой. Густые черные ресницы бросали густую тень на бледные щеки, а когда он поднимал взгляд, в нем сквозило врожденное, безжалостное высокомерие наследника древнего рода. Пурпурно-красное, как осенний клен, одеяние лишь подчеркивало эту порочную, броскую красоту. В свои тринадцать лет он уже выглядел как совершенное божество.

В поместье они почти не разговаривали, но правила приличия требовали, чтобы Минну засвидетельствовал свое почтение.

— Приветствую вас, брат Хэ, — тихо произнес Минну, склонясь в чинном поклоне.

Он вновь почувствовал на себе чужой взгляд — точно такой же, как в главном зале: быстрый, холодный и безразличный.

Сюэхэ не удостоил его ответом. Впрочем, иного Минну и не ждал. Он с опаской покосился на вторую, следовавшую позади карету.

Из-за разрушенных в детстве духовных каналов он рос хилым, болезненным ребенком, лишенным и капли духовных сил. В прошлой жизни именно из-за этого он оказался беззащитной игрушкой в руках безумного демонического заклинателя, не способной оказать даже малейшего сопротивления.

И сейчас ничего не изменилось. Если в пути на них нападут, о нем, сидящем в замыкающей повозке, никто и не вспомнит. Он погибнет первым, незаметно и глупо.

Минну нерешительно замер у первой кареты. Сквозь полуприподнятую шелковую занавеску он разглядел лежащий на сиденье безупречно белый Снежный меч и точеный профиль молодого господина, безучастно смотрящего на пустую дорогу.

Этот юноша, баловень небес, рожденный в роскоши и величии, казался чистым, слепящим глаза божеством. Но Минну знал истину. За этой величественной, ледяной маской скрывался жестокий, равнодушный хищник, для которого чужие жизни стоили не дороже придорожной пыли.

Сделав глубокий вдох, Минну заговорил. Его голос прозвучал тихо и вкрадчиво, словно дуновение теплого весеннего ветра:

— Брат Хэ... Позволь мне поехать вместе с тобой.

<http://bllate.org/book/20439/2106530>